

РАЗГОВОР

Человек суеты. Его «Времечко» и «Сегоднячко»

Моск. новости. - 1997 - 5-12 окт. - с. 16

После того как один из ведущих и руководителей программы «Времечко» «развелся» с ней и стал ведущим сразу двух новых передач в эфире НТВ – «Сегоднячко» и «Старый телевизор», на него обрушилась лавина критических замечаний. В этой ситуации представляется естественным дать слово тому, кто является их непосредственным адресатом – Льву НОВОЖЕНОВУ.



Лев Новоженков

– До «Времечка» у вас была другая профессия – писатель...

– Скажем так, я был литератором.

– Что заставило вас так резко переменить сферу применения своих творческих способностей?

– То, что мы пережили с перестройкой, и то, что лично я пережил, потребовало и внутренних перемен. И кроме того, человек время от времени надоедает себе; надоедает ему и то, что он пишет.

– Надо ли так понимать, что ваше «Сегоднячко» – ответ на новый внутренний кризис, на новую усталость?

– Одно дело, что видит зритель, другое – что чувствуешь сам. Сам видишь и чувствуешь подтеки, штампы. С какого-то момента я увидел,

что довольно богатая концепция, что лежала в основе передачи, скисает, стухает...

– «Сегоднячко» – это способ вдохнуть в нее, в концепцию, новую жизнь?

– Дело в том, что все жаждут чуда. И надеются на него больше, чем на то, что бы то ни было. Вера во внезап-

ность – это самое великое самообольщение. И от телевизионных программ все ждут триумфа сразу и на долгие годы, забывая, что концепция – одно, а программа – другое. Последняя подлечит долгой обкатке, она требует определенной раскрутки. И «Времечко» начиналось под крики: «Какой низкий рейтинг! Какая жуткая пошлость!». И от «Сегоднячко» все ждут чуда, то бишь немислимого совершенства и высокого рейтинга. Программа должна тут же и воссиять. А раз не воссияло... Ну, тогда это полный кошмар, провал, обвал, позор и т.д. Новоженков – Чебурашка, Карлсон, который живет на крыше.

– В новой программе вы, пожалуй, не слишком старались избежать сходства со старой...

– Напротив, все сделал, чтобы подчеркнуть преемственность и родственность. Конечно же, обе программы – две параллельные линии, которые обязательно пересекутся в одной точке, а потом начнут расходиться.

– Отчего вы в этом так уверены?

– Я позволю себе литературную аналогию. У Зошенко было два ряда читателей. Один состоял из тех, кто легко и естественно отождествлял себя с его героями. Другой – представлен людьми, чувствующими себя более умными, образованными, нежели первые. Когда начиналось «Времечко», то оно работало главным образом на публику, скажем так, простую. Мне лично это уже неинтересно. Скорее всего потому, что прошло время простых ответов. Наступило такое время, когда один правильно поставленный вопрос стоит многих категорических ответов. Все идет нормально. Просто не так быстро, как хотелось бы. И не столь прямолинейно, как можно было предполагать. Например, эти постоянные вскрики о привилегиях, о воровстве, адресованные к неким дядям. А ежели к себе оборотиться? Ты не берешь взятки потому, что ты такой принципиальный, или потому, что тебе их не дают? Сегодняшняя реальность гораздо глубже и потому темнее, чем та, что была до перестройки и сразу после нее.

– Возможно, это следует сказать и о самих людях...

– В том и дело.

– Вы каждый божий день в прямом эфире. Не надоело?

– И да, и нет.

– А как насчет страха надоест зритель?

– Здесь есть как бы два ответа. С одной стороны, я должен сказать: по себе ли рубишь сук? Кто ты такой, чтобы разговаривать с огромной

аудиторией? С другой – я же не претендую на то, чтобы наставлять человечество на путь истинный. Я не жрец и не пастырь. Я даю людям пищу если не для размышлений, то для суждений. Или сопоставлений. Мой зритель сегодня – рассудительный человек. Мой критик... Не хочу продолжать.

– По некоторым вашим репликам понятно, что у вас много болей и обид накопилось на критику.

– Не на критику, а на некоторых критиков как выразителей российского менталитета, одной из главных черт которого является способность человека ненавидеть объект своего профессионального труда. Я знал одного сторожа заповедника. Так он страшно недолюбливал бобров, потому что их охранял. Врачи не очень любят больных. И т.д. Судя по тому, с какой злобой критики пишут о телевидении и телевизионных людях, совершенно непонятно, почему они занимаются этим делом.

– Осталось выяснить, за что вы любите объект своего профессионального труда, то есть телевидение?

– Телевидение сейчас главное, что есть в стране. Вторая действительность, а для некоторых и первая. Я человек суеты. В ней есть своя поэзия. Суета – это не так плохо, это – основа жизни. И ничто так полно и адекватно ее не передает, как телевидение.

Юрий БОГОМОЛОВ

852

12.10.97

Новоженков Лев